

Джеймс Грэм Баллард

Люк 69

Джеймс Грэм Баллард
Люк 69

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157227

Джеймс Баллард

Люк 69

Первые несколько дней все шло хорошо.

– Держитесь подальше от окон и не думайте об этом, – говорил им доктор Нейл. – Не беспокойтесь, здесь нет никакого принуждения. В одиннадцать тридцать или ровно в двенадцать спускаетесь в гимнастический зал и играете там в настольный теннис или гоняете мяч. В четырнадцать ноль-ноль в неврологическом театре специально для вас будут показывать фильмы. Затем несколько часов читаете газеты, слушаете музыку. Я буду в восемнадцать. К семи часам вечера у вас будет прекрасное настроение.

– И никакой опасности, доктор? – спросил Авери.

– Абсолютно никакой, – отрезал Нейл. – Конечно, если вы устанете, вы можете отдохнуть. Есть одна тонкость. Помните, вы все еще употребляете только три тысячи пятьсот калорий, и поэтому ваш кинетический уровень, вы скоро это заметите, будет в три раза ниже. Так что старайтесь не переносить тяжелых вещей, чаще делайте паузы во время спортивных игр. Скоро вы будете делать это автоматически. Кстати, совет – учитесь играть в шахматы.

Горрел, подавшись вперед, спросил:

– Доктор, если мы очень захотим, сможем мы выглянуть в окно?

– Не волнуйтесь, электропроводка обрзана. Теперь вы не уснете, даже если очень захотите этого.

Нейл подождал, пока трое мужчин покинут зал для лекций и направятся к сектору отдыха, затем вышел из-за кафедры и захлопнул дверь. В свои пятьдесят лет он был довольно низким мужчиной с широкими плечами и острым, нетерпеливым ртом.

Он выдвинул кресло и, опустившись в него, спросил:

– Ну что ж?

Морли, сидевший на одном из стульев у задней стены, бессознательно крутил в руках ручку. Он был самым юным подчиненным Нейла в клинике, но доктор почему-то любил разговаривать с этим тридцатилетним парнем.

Морли, заметив, что Нейл ждет ответа, пожал плечами:

– Кажется, все о'кей. Операции прошли успешно. Сердечные ритмы и ЭКГ в норме. Утром я смотрел рентгеновские снимки – все в порядке.

Нейл испытующе посмотрел на него.

– Кажется, вы не одобряете эту затею?

Морли засмеялся и встал.

– Конечно я ее одобряю!

Он прошелся между столов и встал у кафедры, засунув руки в карманы своего белого халата.

– В вашем плане нет ни одной ошибки. Все еще только начинается, а пациенты в чертовски хорошем порядке. У ме-

ня нет никаких сомнений. Я думал, что им необходимо будет более трех недель гипнотического внушения, но вы были правы. Однако прошло мало времени с того момента, как они пришли в себя. Посмотрим, как они будут чувствовать себя завтра утром.

– А что вы предполагаете? – криво усмехнувшись, спросил Нейл. – Изменение деятельности продолговатого мозга?

– Нет, – ответил Морли. – Психометрические тесты не показали никаких отличий от нормы. Ни единого нарушения функций. – Он перевел взгляд с доски на Нейла. – Несмотря на все мое недоверие, я должен сказать, что вам удалось ЭТО сделать.

Нейл сидел у стола, облокотившись о столешницу, словно о чем-то раздумывая.

– Мне удалось сделать больше, чем я рассчитывал. Блокировка некоторых нервов привела к излечению от всяких комплексов, маний, фобий. Теперь это самые психически уравновешенные люди на планете – все тесты дают практически нулевые результаты. Так что появилось много побочных целей. И спасибо тебе, Джон, да и всем в группе, за то, что вы не отвлекались на них, а сконцентрировали внимание на одной, главной.

Морли что-то пробормотал, и Нейл продолжал, чуть понизив голос:

– Может, вы и не понимаете, но это не менее важный шаг, чем тот, который сделало первое рыбоподобное существо,

выйдя триста миллионов лет назад из воды на сушу. В конце концов мы можем освободить человеческий мозг от архаичного занятия, называемого сном. Одним движением скальпеля мы добавим двадцать лет к жизни человека.

– Хотелось бы знать, что они будут с ними делать, – прокомментировал Морли.

– Джон! – воскликнул Нейл. – Это не аргумент. Это их собственная проблема – что делать с «дополнительными» годами. Но они должны извлечь как можно больше пользы из этого времени, должны пользоваться каждым днем, каждой минутой!

Пока что еще, конечно, рано даже думать об этом, но в принципе такие операции технически возможны. Впервые человек сможет бодрствовать двадцать четыре часа в сутки, не тратя одной трети своего времени, как инвалид, не уделяя восьми часов бездарной инфантильной эротике.

Нейл сделал небольшую паузу, а потом, устало прикрыв глаза, спросил:

– Что же тебя волнует?

– Я не уверен... Я... – Морли провел рукой по пластмассовой модели мозга, укрепленной на стенде возле доски. В передней части модели отражался Нейл с искаженным носом и невероятно растянутыми губами. Доктор, сидевший в лекционном зале среди рядов свободных парт, казался безумным гением, терпеливо ждущим возможности продемонстрировать свои способности.

Морли пальцем крутанул мозг, наблюдая, как изображение исчезает и растворяется. Нейл был единственным человеком, который мог понять его.

– Насколько я понял, операция состоит всего лишь в нескольких надрезах гипоталамуса, а результаты должны быть фантастическими – социальная и экономическая революция. Но у меня не выходит из головы тот рассказ Чехова – про человека, который поспорил на миллион рублей, что пробудет десять лет взаперти. Все шло хорошо, но за минуту до конца срока он вышел из комнаты и, конечно, проиграл.

– Ну и что?

– Не знаю. Но это не выходит у меня из головы целую неделю.

Нейл, поразмыслив, начал:

– Вы, наверное, думаете, что сон – это какой-то вид биологической активности, который необходим человеку, и что теперь эти три человека изолированы ото сна, а значит, отделены от всего человечества. Я угадал?

– Может быть.

– Чепуха, Джон. Бессознательное положение подобно болоту, в котором мы все глубже и глубже увязаем. Физиологически сон – не более чем синдром церебральной аноксемии. Так что нам не грозит потеря чего-либо осязаемого.

– Не знаю, не знаю, – с сомнением в голосе сказал Морли. Его иногда удивляла агрессивность Нейла, казалось, что доктор считает сон врагом человека, каким-то затаенным по-

роком. – Мне кажется, что Ленг, Горрел и Авери становятся слишком замкнутыми. У них нет возможности использовать высвободившееся время, не то что восемь часов, а даже несколько минут. Вы бы сами выдержали такое? Может быть, сон и предназначен для того, чтобы поглощать лишнее время? Мы же не сможем постоянно находиться рядом с ними и развлекать их разными тестами. Поверьте мне, доктор, очень скоро они пресытятся жизнью!

– Вы ошибаетесь, Морли. – Нейлу надоело спорить с Морли, и он встал и направился к двери. – В целом темп их жизни теперь ниже, чем у нас, к тому же их не касаются все эти стрессы и потрясения. Скоро мы будем казаться им депрессивными маньяками, до полудня шатающимися, как дервиши, а потом впадающими в ступор.

Нейл положил руку на выключатель.

– Встретимся в шесть часов.

Они вышли из лекционного зала и вместе пошли по коридору.

– Что вы собираетесь делать? – спросил Морли.

Нейл засмеялся.

– А как вы думаете? – и, увидев, что его ассистент пожал плечами, ответил сам: – Конечно, спать!

Немного спустя после полуночи Авери и Горрел играли в спортзале в настольный теннис. Они были опытными игроками и поэтому перебрасывали маленький целлулоидный

шарик с одной половины стола на другую без малейших усилий. Оба были в прекрасной форме, однако Авери слегка вспотел, отчасти из-за мощных ламп, свисающих с потолка и создающих иллюзию солнечного света, отчасти из-за внутренней напряженности. К тому же Авери был самым старшим в группе, и его длинная фигура заметно выделялась на фоне остальных. Авери играл сосредоточенно, не отвлекаясь на разговоры с Горрелом, прислушиваясь к биению сердца, ощущая работу мышц. Одним глазом он постоянно посматривал на часы, но игра нисколько не утомляла его.

Горрел, вечно веселый, крайне легкомысленный человек, тоже был чем-то взволнован. В паузах между ударами он бегло оглядывал зал: пустые стены, блестящий пол, яркие лампы на потолке. Иногда он бессознательно ощупывал маленький, незаметный шрам на затылке.

В центре зала возле граммофона находилась софа и несколько кресел. Там сидели, играя в шахматы, Ленг и Морли, отбывающий свое ночное дежурство. Ленг задумчиво склонился над доской. Короткие волосы придавали агрессивный вид его остроносому лицу, но сейчас он совершенно спокойно взирал на шахматные фигурки. Эта парочка регулярно играла в шахматы в течение четырех месяцев, начиная с прибытия Ленга в клинику, и обычно чувствовалось некоторое преимущество Морли. Но в этот день Ленг применил новый дебют, и уже через десять минут игры его фигуры прорвали оборону Морли. Ленг чувствовал необычай-

ную ясность ума и сосредоточенность, хотя лишь этим утром он очнулся от гипнотического транса, в котором пребывал в течение трех недель.

За одной из стен находились комнаты обслуживающего персонала. Через плечо Ленг заметил в одном из наблюдательных окошек на двери лицо, внимательно его разглядывающее. За ними постоянно присматривала группа медперсонала, готовая в любую минуту придти на помощь. (Заднюю дверь, ведущую в маленький дворик с тремя коттеджами, постоянно держали запертой.) Спустя несколько мгновений лицо исчезло. Ленг машинально улыбнулся, глядя на опустевшее окошко. Его вера в способности Нейла была абсолютной, и он полностью верил в успех эксперимента. Доктор сумел уверить его, что его физическое состояние скоро придет к норме, а мозг получит новые, неограниченные способности.

– Запомни, Роберт, – постоянно повторял ему Нейл, – мозг сам по себе никогда не устает.

Ожидая хода соперника, Ленг посмотрел на часы, укрепленные на стене. Двенадцать двадцать. Морли широко зевнул. Он выглядел уставшим и вялым. Ленг подумал, как примитивно по сравнению с ними выглядят люди, которые уделяют часть дня сну. Тут же он осознал, что даже Нейл в этот момент спит. Вид Нейла, спящего в своей постели двумя этажами выше, развеселил Ленга.

Смех вывел Морли из оцепенения.

– Извините, я задремал. Что случилось?

– Ничего, ничего, – успокоил соперника Ленг, стараясь сдержать рвущийся наружу смех. – Я просто осознал, что все еще бодрствую.

Морли улыбнулся.

– Мы запишем это как одно из лучших высказываний недели.

Он передвинул ладью и стал наблюдать за парой, играющей в настольный теннис. В этот момент Горрел резко закрутил мяч, и Авери пришлось совершить невероятный рывок, чтобы отразить удар.

– Они, кажется, о'кей. А как насчет вас?

– Я в наилучшей форме, – ответил Ленг и быстро сделал ход.

Обычно их поединок завершался лишь в эндшпиле, но в этот раз Морли осознал свой проигрыш уже к двенадцатому ходу.

– Неплохо, – сказал он. – Еще одну.

– Нет. Игра утомляет меня. По-моему, это какое-то отклонение.

– Не волнуйтесь. Когда вы окончательно встанете на ноги, все это исчезнет.

Ленг встал, прошел в кабинет и взял одну из пластинок из коллекции. Поставив Бранденбургский концерт, он чуть убавил звук и сел на софу, прислушиваясь к высоким, торжественным звукам. В голове у Морли мелькнула мысль о

чрезвычайно быстром умственном развитии всех участников эксперимента.

Следующие несколько часов прошли очень быстро.

В час тридцать они совершили небольшую прогулку в хирургический корпус. Морли и один из хирургов измеряли кровяное давление и проверяли условные рефлексy. Одевшись, они спустились перекусить в пустой кафетерий и, усевшись за столики, стали спорить, как назвать новое время еды. Авери предложил «мидфуд», Морли – «манч». Затем несколько часов они провели за просмотром фильмов о своем трехнедельном гипнотическом трансе.

Программа закончилась, и они спустились в зал лишь тогда, когда начало светать. После бессонной ночи они по-прежнему чувствовали себя бодрыми и веселыми. Горрел постоянно подшучивал над Ленгом по поводу его гипнотической прогулки.

– Глаза пылают, рот распахнут. – Ленг попытался отвернуться от Горрела, но тот продолжал: – Да посмотри на себя, ты и сейчас все такой же. Поверь мне, ты еще не проснулся, ты все еще под гипнозом. – Он повернулся к Морли. – Правда, доктор?

Морли с трудом подавил зевок.

– Во всяком случае я – это точно. – Ему казалось, что это он, а вовсе не трое мужчин, идущие перед ним по коридору, провел три недели без сна.

Хотя вся клиника спала, лампы вдоль коридоров и лест-

ниц по приказу Нейла были оставлены включенными. Передними шли двое служащих и проверяли: все ли двери закрыты, все ли окна занавешены и нет ли где-нибудь по пути темного угла. Все это делалось потому, что Нейл видел прямую связь между темнотой и сном.

– Давайте допустим, что ассоциация между темнотой и сном сама по себе может вызвать сон. Высшие млекопитающие выжили только благодаря своей способности собирать и квалифицировать информацию. Поместите их в темноту, не позволяйте им получать визуальную информацию, и они будут парализованы. А сон – это защитный рефлекс. Он обеспечивает нормальный рефлекс и заодно сберегает энергию...

На лестничной площадке находилось широкое окно, через которое днем можно было видеть больничный парк. Когда они проходили мимо, Горрел остановился, и его рука произвольно легла на штору. Тут же он перехватил внимательный взгляд Морли.

– Табу, доктор? – спросил он.

Морли оглядел всех трех мужчин. Горрел был совершенно спокоен, на его лице не было ни капли волнения. Ленг сидел на перилах, лениво наблюдая то за Морли, то за Горрелом. Лишь Авери казался слегка взволнованным, на его напряженном лице проступила бледность. В голове у Морли мелькнула совершенно не относящаяся к делу мысль: видимо, им придется бриться два раза в день. Затем: где же, черт побери, Нейл? Он-то знал, что они непременно выглянут в

окно, как только появится такая возможность.

Он заметил, что Ленг широко улыбнулся ему, и пожал плечами, стараясь скрыть свою растерянность.

– Продолжайте, если вы этого хотите.

Горрел кивнул, распахнул шторы, и ночь ворвалась в окно. В темноте неясно вырисовывались очертания темных улиц и холмов, и лишь мигавшая на крыше далекого супермаркета неоновая реклама хоть как-то освещала местность. Ни Ленг, ни Горрел не почувствовали ничего необычного, и скоро их интерес угас. Сердце Авери резко прыгнуло вверх, но он быстро взял себя в руки, подошел к окну и, взглянув на чистое, безоблачное небо с яркими сияющими звездами, подставил лицо под мягкие порывы теплого ветра.

Морли тоже подошел к окну и облокотился на подоконник рядом с Авери. Краем глаза он следил за троицей в поисках каких-нибудь изменений (учащения дыхания, блеска глаз), свидетельствующих об отрицательном воздействии. Ему вспомнилось предупреждение Нейла: сон – это рефлекс, переходящий в привычку. Но если мы перерезали несколько нервных окончаний, ведущих к гипоталамусу, это никак не значит, что сон не может овладеть организмом другими путями. В конце концов рано или поздно нам придется рискнуть и вывести их на улицу ночью.

Морли все еще раздумывал над этим, когда кто-то коснулся его плеча.

– Доктор, – услышал он голос Ленга. – Доктор Морли.

Он оторвался от созерцания звездного неба и огляделся. Авери и Горрел были уже на середине лестницы, и только Ленг стоял рядом.

– Что случилось?

– Ничего. Просто мы уходим в зал, – он внимательно оглядел Морли. – С вами все в порядке?

Морли провел руками по лицу.

– Боже, я наверное задремал. – Он взглянул на часы. Четыре двадцать. Они стояли у окна более пятнадцати минут. – А я еще волновался о вас!

Все заулыбались.

– Доктор, – сказал Горрел. – Я могу порекомендовать вам хорошее снотворное!

Около пяти часов силы стали покидать их. Почки стали хуже справляться со своими функциями и перестали полностью выводить вредные вещества, которые пошли в ткани. Руки стали влажными и скованными, ноги подгибались, как резиновые. Все чувства притупились, тело сковала усталость.

Сначала Авери подумал, что это был приступ мигрени, но, увидев состояние своих друзей, понял, что ошибся. Он без интереса взял в руки журнал и принялся листать его; пальцы повиновались не лучше куска пластилина. В конце концов к ним спустился Нейл, свежий и бодрый, пританцовывавший на носках ботинок.

– Как прошла ночь? – повернувшись к ним вполоборота,

с улыбкой спросил он. – Чувствуете себя о'кей?

– Не очень, доктор, – сказал Горрел. – Легкий приступ бессонницы.

Улыбку Нейла как ветром сдуло, и он, поманив их за собой, быстрым шагом направился к хирургическому центру.

В девять, побрившись и переодевшись, Горрел, Авери и Ленг зашли в лекционный зал. Они снова чувствовали себя бодрыми и спокойными. Головная боль и оцепенение прошли после принятия нескольких таблеток, и Нейл сказал им, что через неделю почки будут нормально справляться с возросшей нагрузкой.

Весь день они провели в хирургическом центре, испытывая на себе различные тесты, наблюдая на экране за мельканием геометрических фигур и переливами цветовых комбинаций. Нейл, казалось, был вполне удовлетворен результатами.

– Увеличилась скорость реакций, да и память стала лучше, – рассказывал он Морли, когда троица ушла на отдых. – Они стали технически более уравновешенными.

Нейл указал на множество карточек с результатами тестов, разложенных по столу.

– Взгляните на результаты Ленга! А вы еще волновались. Скоро он вспомнит все мельчайшие эпизоды своей жизни.

Морли одобрительно кивнул, его первые тревоги оказались несостоятельными.

Следующие две недели Морли или Нейл по ночам постоянно находились рядом с бодрствующей троицей, внимательно наблюдая за поведением мужчин во время восьми «дополнительных» часов. Нейл постоянно проводил различные тесты, записывая наблюдения всех ночных дежурств, и, казалось, напитывал своим энтузиазмом всю группу.

Морли начала пугать эта несколько наигранная эмоциональная связь между Нейлом и тремя мужчинами. Они уже практически не видели разницы между доктором и экспериментом. (Звоните в колокольчик, когда животное ест, и если вы через какой-то промежуток времени, достаточный для привыкания, прекратите звонить, то животное не сможет питаться.)

В конце концов это стало настораживать и самого Нейла.

Когда после бессонной ночи у него разболелась голова и он решил провести целый день дома в постели, он позвал к себе Морли.

– По-моему, это зашло слишком далеко.

Морли согласно кивнул головой.

– Скажите им, что я очень устал и собираюсь проспать сорок восемь часов подряд, – распорядился Нейл, складывая в папку толстую кипу бумаг. – Что я принял снотворное, чтобы хорошенько отдохнуть. Выложите им, что я собираюсь провести много времени в темноте.

– Смотрите не переборщите, доктор, – предупредил Морли. – Они могут сильно невзлюбить вас.

Нейл только улыбнулся в ответ.

Этой ночью Морли дежурил с десяти вечера до шести часов утра. Сначала он проверил готовность медперсонала, а затем направился к пациентам. Присев на софу рядом с Ленгом, он взял в руки журнал и стал внимательно наблюдать за мужчинами. В ярком свете ламп их лица имели какой-то бледный, голубоватый оттенок.

Медсестра предупредила его, что Авери и Горрел слишком долго играли в теннис, но около одиннадцати они закончили игру и сели рядом с Ленгом. Большую часть времени они провели за чтением, лишь дважды прерывая это занятие для прогулок в кафетерий. Морли рассказал им о Нейле, но, к его удивлению, никаких комментариев не последовало.

Ночь протекала медленно. Авери читал, а Горрел играл сам с собой в шахматы.

Морли дремал.

Лишь Ленг чувствовал какую-то неудовлетворенность. Тишина и спокойствие, царившие в зале, действовали ему на нервы. Послушав музыку, он встал, выключил проигрыватель и проверил на себе ассоциативный тест, используя слова в правых верхних углах страниц книги как контрольный лист.

Морли повернулся к нему.

– Что-нибудь интересное?

– Да, есть несколько особенностей, – ответил Ленг и, по-

думав, спросил: – Как вы думаете, каков будет следующий шаг?

– Шаг? – недоумевающе переспросил Морли.

– Ну да, шаг. Триста миллионов лет назад наши предки стали дышать кислородом из воздуха, это был первый шаг. А теперь второй – избавление от сна.

– Ну, эти шаги не совсем аналогичны, – сказал Морли. – То, что мы стали дышать воздухом, скорее следствие, а не причина того, что мы вышли из океана. Это было просто приспособление.

Ленг кивнул.

– Об этом я тоже думал. Скажите, вам когда-нибудь приходило в голову, что наша психика «нацелена» на смерть?

Морли улыбнулся.

– Много раз, – пробормотал он, размышляя, к чему же клонит Ленг.

– Что бы мы ни делали, – продолжил Ленг, – какие бы наслаждения мы ни испытывали, что бы ни происходило вокруг нас – наша психика не видит дальше надгробного памятника на своей могиле. А почему? Ответ лежит на поверхности – каждую ночь мы получаем наглядное напоминание о неизбежном роке, судьбе.

– Вы имеете в виду сон? – предположил Морли.

– Вот именно! Сон можно назвать псевдосмертью. Конечно, вы не можете понять этого. Я думаю, даже Нейл не осознает до конца всей вредности сна.

«Вот в чем дело, – догадался Морли, – Ленг принялся анализировать происходящее с точки зрения человека без сна. Интересно, – подумал он, – что лучше: пациент, хорошо разбирающийся в психологии, или пациент, не понимающий эту науку?»

– Уничтожьте сон, – продолжил Ленг, – и вы уничтожите страх, защитные механизмы, комплексы наконец, связанные с ним. Вы снимете огромный груз с плеч нашей психики, и, возможно, у нее появится новая «цель».

– Например?

– Не знаю точно. Может быть... личность?

– Интересно, – прокомментировал Морли. Часы показывали три часа ночи. Он решил провести следующий час за проверкой тестовых результатов Ленга. Выждав пять минут, он встал и направился к двери.

Ленг нервно провел рукой по софе.

– Где же, черт возьми, Морли? – спросил он, выжидательно глядя на дверь.

– По-моему, он вышел в дежурную комнату, – ответил Авери, листавший журнал. – Десять минут назад. И с тех пор его не видно. А ведь кто-то должен постоянно наблюдать за нами.

Горрел, игравший сам с собой в шахматы, оторвался от доски:

– Эти бессонные ночи скоро доконают его. Вы бы лучше

разбудили его до прихода Нейла. Наверняка он спит где-нибудь на стопке наших тестов.

Ленг улыбнулся. Горрел, подойдя к проигрывателю, выбрал пластинку, поставил ее и включил звук на среднюю громкость.

Только когда зазвучала музыка, Ленг заметил, каким тихим и пустынным казался зал до этого. Лишь иногда тишину, царившую ночью в клинике, нарушал какой-нибудь негромкий звук: скрип кресла или шум кондиционера.

Ленг встал и направился к двери. Он знал, что Нейл не поощряет общения с медперсоналом, но отсутствие Морли волновало его.

Ленг подошел к двери и заглянул в окошко.

Комната была пуста.

Свет был включен: две каталки были на своих местах у стены, третья, с разложенными по деревянной поверхности карточками, стояла посреди комнаты. Людей не было.

Поколебавшись, Ленг решил открыть дверь, но она оказалась запертой.

– Авери! Здесь никого нет!

– Посмотри в хирургическом отделении, – посоветовал Горрел.

Ленг подошел к следующей двери. Свет был выключен, в темноте виднелись лишь силуэты столов.

– Никого. – Он дернул дверную ручку. – Здесь заперто.

Горрел выключил проигрыватель и вместе с Авери подо-

шел к двери.

– Они где-то здесь, по крайней мере один человек, – Авери указал на крайнюю дверь. – А как насчет этой?

– Заперта, – сказал Ленг, – и шестьдесят девятая, ведущая вниз, тоже.

– Давайте посмотрим в кабинете Нейла, – предложил Горрел. – Если их там нет, то это наверняка какая-нибудь шуточка доктора.

В двери офиса Нейла не было окошка.

Авери постучал, выждал немножко и постучал громче.

– Бесполезно, – сказал Ленг, заглянувший в щель между дверью и полом. – Свет выключен.

В зале оставалось только две двери: одна – ведущая в кафетерий, другая – выходящая к автомобильной стоянке рядом с клиникой.

– Может быть, Нейл специально подстроил это? – спросил Авери. – Чтобы посмотреть, как мы переносим ночь.

– Но Нейл спит... – начал Ленг.

– Вряд ли, – перебил его Горрел. – Наверняка он сейчас наблюдает за нами вместе с Морли.

Они вернулись обратно в кресло.

Тишину, наступившую в зале, нарушало только ритмичное тиканье часов.

Три пятнадцать ночи.

Изменений было не заметно. По стенам зала мелькнули какие-то тени и замерли в углах, практически ничего не сде-

лав. Сначала движение было плавным, мельчайшие изменения не улавливались человеческим глазом.

Зал стал медленно уменьшаться. Стены, дрогнув, стали дюйм за дюймом сдвигаться, вторгаясь на «суверенную» территорию пола. По мере сближения их очертания стали искажаться: неоновые лампы стали затухать; электрокабель, вьющийся вдоль стены, и ряд кондиционеров расплылись в неясные пятна.

Потолок стал медленно проседать.

Горрел сидел, облокотившись о шахматную доску.

Вечный шах.

Он какое-то время продолжал двигать фигуры, затем, подняв голову, огляделся. Он был уверен, что Нейл наблюдает за ним. Горрел хотел выискать щель, в которую смотрел доктор, но безуспешно. Стены выглядели серыми и безликими: на них ничего не было, за исключением кабеля, дверей и кондиционеров.

Горрел убрал доску и растянулся на софе. Он уже собирался поделиться результатами своих планов с Авери и Ленгом, когда вдруг сообразил, что где-то поблизости может быть спрятан микрофон.

Перелистнув пару страниц журнала, он решил поразмяться: встал, прошелся по залу, сделал несколько упражнений с гантелями, а после вернулся к шахматам.

Поиграв полчаса в шахматы, он опять огляделся: ему надоела эта конспирация Нейла. Обходя комнату в поисках по-

тайной «замочной скважины», Горрел взглянул на часы.

Три пятнадцать ночи.

Зал продолжал уменьшаться. Теперь, став меньше в два раза, он напоминал большую коробку без окон и дверей. Очертания стен были неясными и расплывчатыми. Не изменились только часы и одна-единственная дверь...

Ленг нашел спрятанный микрофон.

Он сидел в кресле, потирая суставы, когда к нему подошел Горрел.

– Надо попросить Нейла установить здесь теннисный стол, – сказал Горрел, – чтобы мы могли размяться и выплеснуть энергию.

– Идея хороша, – согласился Ленг, – но вряд ли стол пролезет в эту дверь. К тому же здесь останется слишком мало места, даже если мы сдвинем кресла к стене.

Ленг задумался, глядя на проигрыватель. Неожиданно он вскочил и выдернул шнур из розетки.

Увидев, что Горрел с удивлением смотрит на него, Ленг пояснил:

– Микрофон. Я выключил микрофон.

– Откуда ты знаешь, что он был именно там? – спросил Горрел.

– Самое удобное место. Здесь нет других мест, куда можно подключить микрофон, чтобы он был рядом с нами, но чтобы мы не могли его нечаянно обнаружить. Разве что в люстре, – он указал рукой на массивный купол, свисающий

с потолка, – но она совершенно прозрачная, и мы сразу увидели бы его.

Горрел кивнул.

Пробили часы над дверью комнаты 69.

Три пятнадцать ночи.

Теперь это был люк: узкий, несколько футов в ширину и шесть в глубину. С металлической решетки свисала проржавевшая, дававшая тусклый свет лампочка. Стены были сложены из грубо обработанного и плохо уложенного камня.

Горрел наклонился, чтобы завязать шнурок.

– Все в порядке? – неожиданно спросил Авери. – Мне кажется, эта комната слишком тесна. Не пойму, почему Нейл заставляет нас здесь сидеть?

– Вот именно, – кивнул Горрел. – Мы сидим в этой дыре по двадцать четыре часа. Без телевизора, без радио. Нет, это просто невозможно.

Авери откинулся на спинку кресла и наклонил голову, чтобы не задевать потолок.

– Сколько времени? – Горрел нервно постукивал рукой по столику.

– Около трех пятнадцати...

– Ленг, – медленно сказал Авери, – если я не ошибаюсь, здесь был кондиционер.

Ленг и Горрел с удивлением огляделись.

– Вроде где-то должен быть. Не можем же мы постоянно дышать одним и тем же воздухом. Мы давно бы задохнулись.

– И вообще, – продолжил Авери, – здесь что-то...

Ленг схватил его за локоть.

– Скажите мне, как мы сюда попали?

– А как ты думаешь? – с усмешкой спросил Горрел. – Через дверь, конечно.

– Через какую дверь?!

Авери и Горрел переглянулись, затем посмотрели вокруг. Вскочив с кресла, Горрел подбежал к стене, пытаясь нащупать дверь, но его пальцы лишь скользнули по толстому слою пыли, покрывавшему камни.

Когда они в конце концов затихли, с испугом и недоумением глядя друг на друга, Ленг с неожиданной яростью бросился на стену и стал колотить по ней.

– Нейл! Нейл! – в иступлении кричал он. – Нейл! Нейл! Нейл!

Свет начал медленно гаснуть...

Морли сидел за столом и перебирал карточки с результатами тестов, когда вдруг дверь открылась и в комнату заглянула медсестра.

– Доктор, может быть, мне проверить пациентов?

– Нет, не надо, – ответил Морли, – я сейчас сам иду туда. Открывая дверь зала, он взглянул на часы – три двадцать пять.

Во время его отсутствия ничего не изменилось.

Ленг, откинув голову на спинку кресла, отрешенно смот-

рел на дверь. Авери по-прежнему сидел, уткнувшись в журнал, а Горрел в задумчивости склонился над шахматной доской.

– Не хотите поразмяться?

Никто не ответил. Морли заколебался, затем медленно пошел вперед.

Через несколько секунд он увидел что-то темное под ногами и замер на месте.

В нескольких футах от софы на блестящем полированном полу лежал черный король. Морли наклонился, подобрал короля и заметил еще несколько шахматных фигур, разбросанных по полу.

Он медленно перевел взгляд на Горрела.

Пред ним предстала картина, скрытая ранее высокой спинкой софы: подушки на софе были перевернуты, фигуры рассыпаны, а сам Горрел сидел, уставившись невидящими глазами в пол.

– Ленг! Авери! – закричал Морли, кинувшись к Горрелу. – Зовите персонал!

– Ленг! – опять позвал он через секунду.

Ленг, не шевелясь, сидел в кресле и смотрел на часы, его расслабленное тело напоминало восковую фигуру.

Морли подскочил к Авери и схватил его за плечо. Голова пациента безвольно откинулась, и журнал выпал из его рук.

Морли подошел к проигрывателю и нажал определенную комбинацию кнопок. По коридору разнесся сигнал трево-

ги...

– Вы были с ними? – резко спросил Нейл.

– Нет, – ответил Морли. – Я выходил минут на десять, проверял результаты тестов.

– Вы должны были постоянно находиться рядом с ними. Именно для этого я и ввел ночные дежурства.

Часы показывали пять тридцать. После нескольких часов усиленной работы все чувствовали невероятную усталость. Нейл взглянул на трех закутанных в белое мужчин, беспомощно лежащих на кроватях. Внешне они как будто не изменились, только взгляд был далеким и пустым.

– У меня такое ощущение, как будто они куда-то ушли, – сказал Морли, глядя себе под ноги.

– Как вы сказали? – переспросил Нейл. Он почувствовал, что его ассистент близок к правде: все органы пациентов, лежавших на кроватях, функционировали нормально, но нервные рефлексy отсутствовали.

Нейл жестом пригласил Морли в свой кабинет и захлопнул дверь.

– Присаживайтесь, – он пододвинул ассистенту кресло, – и объясните, что вы хотели сказать?

Морли пожал плечами.

– Мне кажется, что наш мозг просто не может вынести постоянного бодрствования. Любой сигнал, повторяемый много раз, теряет свое значение. Попробуйте пятьдесят раз ска-

зять слово «сон» и вы почувствуете, что ваш мозг устал от этого.

– И что дальше?

– В конце концов наш разум деградирует.

Нейл задумчиво спросил:

– Вы помните тот рассказ Чехова, о котором говорили мне несколько недель назад?

– «Пари»? Да.

– Я прочитал его прошлой ночью. Забавно. Мне кажется, это близко к тому, что вы хотите сказать, – он оглядел кабинет. – Комната, в которой тот человек провел десять лет, была как бы психической тюрьмой для разума... Нечто очень похожее случилось с Авери, Горрелом и Ленгом. Они дошли до такой точки, когда для них исчезла их сущность и стерлись преграды между реальностью и грезами. Это напоминает человека, стоящего перед сферическим зеркалом и видящего лишь гигантский глаз.

– Так вы считаете, что их исчезновение – это бегство от этого глаза?

– Не бегство, – рассудил Нейл. – Наша психика никогда и ни от чего не бежит. Она просто перестраивает реальность. Комната из рассказа Чехова подала мне эту идею. В нашем случае аналогом является зал. Мне кажется, я допустил ошибку, поместив их туда. Эти голые стены, яркие лампы, блестящий пол с такой силой давили их, что в конце концов мозг не выдержал.

Нейл помедлил.

– Я полагаю, что они еще находятся в зале, но в зале, изменившемся для них, причем изменившемся в худшую сторону. Видимо, они испытывали душевные муки, иначе бы они не впали в кому.

– Что ж, теперь нам остается лишь поддерживать их жизнедеятельность и ждать...

В дверь постучали и вошел младший врач.

– Ленг выходит из этого, доктор. Он зовет вас.

Нейл одним прыжком выскочил из комнаты.

Морли последовал за ним.

Ленг, лежавший на кровати, чуть шевелил руками. Он явно приходил в сознание.

Доктор склонился над ним.

– Нейл... Нейл... – шептал он. Слова были едва слышны, словно доносились сквозь вату. – Нейл... Нейл... Нейл...

– Я здесь, Бобби, – мягко сказал Нейл. – Теперь ты можешь выйти...